

Алфред де Мюсси

СЫН ТИЦИАНА

Повесть о любви

Седьмая Книга

Альфред де Мюссе
Сын Тициана

«Седьмая книга»

Мюссе А.

Сын Тициана / А. Мюссе — «Седьмая книга»,

В 1575 году в Венеции начинается эпидемия чумы. Тициан, заразившись от своего сына, умирает 27 августа 1576 года. Его нашли на полу мертвым с кистью в руке. Но, наша повесть не о художнике Тициане, а о художнике Пиппо – родном сыне Тициана, точнее о его любви....О любви, которая перевернула всю его жизнь...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алфред де Мюссе

Сын Тициана

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

В феврале 1580 года по венецианской Пиацетте проходил на рассвете молодой человек. Его одежда была в беспорядке; берет, над которым развевалось великолепное алое перо, был надвинут на уши. Он быстро шел по направлению к Славянской набережной, и его шпага и плащ волочились вслед за ним, в то время как он небрежно шагал через спавших на земле рыбаков. Дойдя до Соломенного моста, он остановился и окинул взглядом окружающее. Луна заходила за Джуудеккой, и заря золотила Дворец Дожей. Время от времени, густые клубы дыма и языки пламени вырывались из соседнего дворца. Балки, камни, огромные глыбы мрамора загромождали канал Тюрем. Пожар только что разрушил выступавшее из воды жилище патриция. Временами взлетали снопы искр, озаряя зловещим светом фигуру вооруженного часового, стоявшего среди развалин.

Но ни пожар, ни красота неба, которое начало окрашиваться в самые яркие тона, не произвели, по-видимому, особенного впечатления, на нашего юношу. Несколько времени он созерцал небосклон, как бы для того чтобы дать отдых глазам; но дневной свет был, очевидно, неприятен ему, ибо он завернулся в плащ и продолжал путь бегом. Вскоре он снова остановился перед дверью дворца и постучал. Слуга с факелом в руке тотчас же отворил ему. Входя, он обернулся и воскликнул, еще раз взглянув на небо.

– Клянусь, Ваххом! Карнавал обошелся мне дорого!

Этого юношу звали Помпонио Филиппо Вечеллио; Помпонио был младшим сыном Тициана. Наделенный блестящим умом и богатым воображением, он подавал отцу самые радужные надежды, но страсть к игре заставила его вести крайне беспорядочный образ жизни. Прошло лишь четыре года со дня смерти великого художника и его старшего сына Горацио, умерших почти одновременно, но за это время молодой Пиппо успел уже промотать большую часть, оставленного ими огромного наследства. Вместо того, чтобы развивать таланты, которыми его наделила природа, и поддерживать славу своего имени, он проводил дни в постели, а ночи за игорным столом некой княгини Орсини, – особы сомнительного происхождения, разорявшей венецианскую молодежь.

Каждый вечер у нее собиралось многочисленное общество, состоявшее из аристократов и куртизанок; здесь ужинали и играли, и так как за ужин ничего не платили, то гости должны были, само собой, разумеется, позаботиться о том, чтобы хозяйка дома не оставалась в убытке. В то время, как катились груды цехинов, кипрское вино лилось рекой, дамы усиленно кокетничали, и жертвы двойного дурмана оставляли там деньги и разум.

Герой нашего рассказа только что вышел из этого, опасного места и понес в эту ночь не одну потерю; мало того, что он проигрался в пух и прах, – его единственная картина, которую все знатоки находили превосходной, только что погибла при пожаре во дворце Дольфино. Сюжет ее был взят из истории и разработан с вдохновением и смелостью кисти, почти достойными самого Тициана; это полотно было продано одному сенатору, и его постигла та же участь, как и многие другие великие произведения искусства: неосторожность слуги обратила все эти сокровища в пепел. Но Пиппо был весьма мало опечален этим; он думал лишь об игре, в которой ему так упорно не везло, и о проигранных ставках.

Вернувшись домой, он, прежде всего поднял постланный на столе ковер и сосчитал оставшиеся в ящике деньги; затем, будучи от природы веселого и беспечного нрава, он, после того как его раздели, уселся в халате у окна. Было уже совсем светло, и он не знал, закрыть ли ему ставни и лечь в постель или же встать, как и все остальные. Пиппо давно уже не видел восхода солнца, и небо показалось ему веселее обыкновенного. Не решив окончательно, лечь или встать, и продолжая бороться со сном, он стал пить на балконе шоколад. Как только

глаза его закрывались, ему казалось, что он видит пред собой стол, лихорадочно дрожащие руки, бледные лица и слышит звон игорных чаш.

– Какой-то рок преследует меня! – бормотал он, – проиграть, имея пятнадцать! – и Пиппо видел своего обычного противника старого Веспасиано Мемо в ту минуту, как тот, получив восемнадцать, хватал лежавшую на сукне груды золота, тогда он спешил открыть глаза, чтобы отогнать от себя этот кошмар, и глядел на девочек, проходивших по набережной; вдруг ему показалось, что вдали появилась женщина в маске, хотя и было время карнавала, его удивило это, так как бедняки не носят масок, а венецианские дамы не имели обыкновения выходить в такой ранний час без провожатых и пешком. Но Пиппо заметил вскоре, что принял маску за лицо приближавшейся к нему негритянки. Она показалась ему довольно хорошо сложенной. Она шла очень быстро, и под усеянным цветами платьем, облипавшим при порывах ветра бедра, обрисовывались грациозные очертания ее фигуры. Пиппо перегнулся через перила и не без удивления увидел, что негритянка постучала в дверь его дворца.

Привратник замешкался.

– Что же тебе надо? – крикнул молодой человек, – тебе нужен я, смуглянка? Меня зовут Вечеллио, и если тебя заставляют ждать, я сам отворю тебе.

Негритянка подняла голову.

– Вас зовут Помпонио Вечеллио?

– Да, – или Пиппо, если тебе угодно.

– Вы сын Тициана?

– К твоим услугам; но что же тебе надо?

Окинув Пиппо быстрым и любопытным взглядом, негритянка отступила на несколько шагов и ловко бросила на балкон маленькую, завернутую в бумагу, шкатулку; затем она пустилась бежать, временами оглядываясь. Пиппо поднял шкатулку, открыл ее и обнаружил в ней красивый кошелек, завернутый в вату. У него мелькнула мысль: нет ли под ватой записки, из которой было бы видно, что все это означает; там, действительно, оказалась записка, но она была также загадочна, как и все остальное, ибо содержала лишь следующие слова:

«Не трать легкомысленно то, что я заключаю в себе; клади в меня червонец, выходя из дому; этого довольно на день; а если вечером у тебя останется что-нибудь, то ты всегда найдешь нищего, который поблагодарит тебя за милостыню, как бы она ни была мала».

Молодой человек долго вертел шкатулку, рассматривал кошелек, снова глядел на набережную и, окончательно убедившись, что он ничего более не узнает, подумал: «Надо признаться, что это необыкновенный подарок; но, к несчастью, он сделан совсем некстати. Мне дают хороший совет, но слишком поздно говорить о спасении тому, кто находится уже на дне Адриатики. Но какой дьявол мог прислать мне это?»

Пиппо легко догадался, что негритянка была служанкой. Он начал перебирать в памяти женщин и друзей, которые могли бы сделать ему этот подарок; и так как он не страдал излишней скромностью, то решил, что это, по всей вероятности подарок женщины. Кошелек был из бархата и вышит золотом; он был слишком тонкой работы, чтобы допустить, что его купили в лавке.

Пиппо перебрал всех первых, красавиц Венеции, затем тех, кто уступал им красотой, но тут он остановился и задался вопросом, как ему открыть, чей это кошелек. Пиппо отдался во власть самых смелых и сладких грез; несколько раз ему казалось, что он угадал; с замиранием сердца старался он узнать почерк; одна болонская княгиня так выводила буквы; и почти такой же почерк был у одной красавицы из Бресции.

Нет ничего отвратительнее неприятной мысли, внезапно явившейся среди подобных мечтаний; это почти, все равно, что ступить на змею, гуляя по покрытому цветами лугу. Тоже самое испытал Пиппо, вспомнив вдруг о некой Монне Бианкине, отравлявшей ему с некоторого времени существование. У него была с этой женщиной маскарадная интрига, – Монна

была довольно красива, но он не чувствовал ни малейшей любви к ней; между тем она страстно влюбилась в Пиппо и заподозрила любовь там где была лишь простая вежливость; она не давала ему покоя, часто писала и осыпала нежными упреками; но он поклялся однажды, выйдя от нее, что его нога никогда более не будет в ее доме, и остался верен своей клятве. И у него явилась мысль, что кошелек, вероятно, сделан и послан ему Монной; это подозрение уничтожило всю его веселость и рассеяло мечты, которыми он тешил себя; чем больше он думал, тем правдоподобнее казалось ему это предположение; Пиппо пришел в самое скверное настроение, закрыл окно и решил лечь спать.

Но он не мог заснуть; вопреки очевидности, он не в силах был расстаться с сомнениями, которые льстили его самолюбию, и невольно продолжал мечтать: он то хотел забыть кошелек и не думать о нем более, то старался уверить себя, что Монна Бианкине не существует вовсе, и отдавался полету своей фантазии. Тем не менее, он задернул занавес и повернулся лицом к стене, чтобы не видеть света. Но вдруг Пиппо соскочил с постели и позвал слуг. У него явилось весьма простое соображение, которое раньше не приходило ему в голову: Монна не была богата; у нее была только одна служанка и притом не негрityанка, а какая-то толстуха из Киоджи. Откуда она могла достать на сегодняшний день эту посланницу, которой он никогда раньше не видел в Венеции?

– Да будет благословенно твое черное лицо! – воскликнул Пиппо, – и африканское солнце, которое дало ему этот цвет! – И он тотчас же велел подать себе камзол и приготовить гондолу.

Глава 2

Пиппо решил отправиться к синьоре Доротее, – супруге судьи Паскалиго. Эта почтенная дама была одной из самых богатых и умнейших женщин республики: она была к тому же крестной матерью Пиппо, и так как во всей Венеции не было ни одного сколько-нибудь заметного лица, которого бы она не знала, – то он надеялся, что синьора Доротея поможет ему разгадать занимавшую его тайну. Но он находил неудобным являться к своей покровительнице в такой ранний час и пошел прогуляться под аркадами Прокурат.

Случилось так, что он встретил там Монну, покупавшую себе материю; Пиппо вошел в лавку и, после нескольких незначительных слов, вдруг произнес:

– Монна, вы прислали мне сегодня утром прекрасный подарок и дали мудрый совет; примите мою глубочайшую благодарность.

Говоря с такой уверенностью, он, может быть, рассчитывал тотчас же освободиться от мучивших его сомнений, но Монна была слишком хитра, чтобы обнаружить удивление, не зная, наверное, соответствует ли это ее интересам. И хотя она ничего не посылала молодому человеку, но решила запутать его в своих сетях; правда, она отвечала ему, что не знает, о чем он говорит; но при этом она чуть заметно улыбнулась и так покраснела, что, вопреки очевидности, Пиппо не сомневался более, что кошелек прислан Монной.

– А давно у вас служит эта красивая негритянка? – спросил он ее.

Она пришла в замешательство и в первую минуту не знала, что ответить; потом разразилась громким смехом и исчезла. Оставшись один, Пиппо, обманутый в своих ожиданиях, решил отказаться от посещения синьоры Доротеи: он вернулся домой, швырнул кошелек в угол и перестал о нем думать.

Несколько дней спустя он проиграл крупную сумму на честное слово.

Выходя из дому, чтобы расплатиться, Пиппо решил, воспользоваться этим кошельком: кошелек был велик и шел к его поясу; он взял его и в тот же вечер играл снова и опять остался в проигрыше.

– Вы продолжаете? – спросил его старый нотариус сэр Веспасиано, когда Пиппо проиграл все, что у него было.

– Нет, – отвечал тот, – я не хочу больше играть на честное слово.

– Но я дам вам займы сколько угодно! – воскликнула княгиня Орсини.

– И я также, – сказал сэр Веспасиано.

– И я также, – повторила звучным и нежным голосом одна из многочисленных племянниц княгини, – но откройте свой кошелек, синьор Вечеллио, там остался цехин.

Пиппо улыбнулся и, действительно, нашел на дне кошелька забытую монету.

– Хорошо, – сказал он, – сыграем в последний раз.

Он взял чашу, выиграл и удвоил ставку; через какой-нибудь час Пиппо вернул все, что он проиграл накануне и в тот вечер.

– Вы продолжаете? – в свою очередь спросил он сэра Веспасиано, перед которым не оставалось более ни одной монеты.

– Нет! – я был бы круглым дураком, если бы позволил обыграть себя дочиста человеку с одним цехином. Да будет проклят этот кошелек! Он, без сомнения, заколдован.

И нотариус вышел из залы взбешенный.

Пиппо собирался последовать за ним, но в эту минуту племянница княгини сказала ему, смеясь:

– Вы обязаны мне своей удачей: подарите же мне цехин, который принес вам счастье.

На этом цехине была царапина, по которой легко было узнать его. Пиппо нашел цехин и уже протянул руку, чтобы отдать его хорошенькой племяннице, как вдруг воскликнул:

– Клянусь честью, моя красавица, вы его не получите; но чтобы показать вам, что я не скуп, я попрошу вас принять от меня десять червонцев; что же касается этого, то я хочу последовать совету, который мне недавно дали, и подарю его Провидению.

С этими словами он выбросил цехин за окно.

– Неужели кошелек Монны приносит мне счастье? – думал он дорогой, – было бы насмешкой судьбы, если бы вещь, сама по себе неприятная мне, оказалась благодетельной для меня.

И, действительно, Пиппо увидел вскоре, что он выигрывает всякий раз, как пользуется этим кошельком. Опуская туда золотой, он не мог отделаться от суеверного страха и невольно думал иногда о справедливости слов, найденных им на дне шкатулки. Цехин – безделица, – говорил он себе, – однако у многих он бывает далеко не каждый день. – Эта мысль делала его благоразумнее и заставляла несколько сокращать свои расходы.

К несчастью, Монна не забыла своего разговора с Пиппо. Не желая выводить его из заблуждения, она посылала ему время от времени записки с букетами цветов и разными безделушками. Как я уже говорил, она ему надоела, и он решил не отвечать ей.

Его холодность заставила Монну, отважиться на дерзкий шаг, который очень не понравился молодому человеку. Воспользовавшись его отсутствием, она явилась к нему одна, подкупила слугу и успела спрятаться в комнатах. Вернувшись домой, Пиппо нашел ее у себя и был принужден объявить ей раз и навсегда, что у него нет никакой любви к ней, и попросил ее оставить его в покое.

Бианкине, как я уже говорил, была хороша собой и пришла от слов Пиппо в раздражение; она осыпала Пиппо упреками, далеко не нежными на этот раз. Она сказала ему, что он обманывал её, говоря о любви, что она считает себя обесчещенной и отомстит ему. Ее угрозы рассердили Пиппо; чтобы доказать ей, что он ничего не боится, он тут же заставил ее взять обратно букет, который она прислала ему утром; и так как под руку ему подвернулся кошелек, то он сказал:

– Возьмите также и это; этот кошелек принес мне счастье, но знайте, что я ничего не хочу от вас.

Но он тотчас же пожалел, что поддался этой вспышке гнева. Монна Бианкина позаботилась о том, чтобы ее ложь не выплыла наружу. В ней было не меньше притворства, чем злобы. Она взяла кошелек и удалилась, решив заставить Пиппо раскаяться в том, что он позволил себе так обращаться с нею.

Вечером Пиппо играл по обыкновению, но остался в проигрыше; в последующее дни ему также не везло. У синьора Веспасиано всякий раз оказывались лучшие кости, и он выиграл у Пиппо значительную сумму. Тот упрямо продолжал играть, бросая вызов судьбе и своему суеверию – и неизменно проигрывал. Выходя однажды от княгини Орсини, он не мог удержаться от того, чтобы не воскликнуть на лестнице:

– Да простит меня Бог! Но мне кажется, что этот старый безумец был прав, и мой кошелек, действительно, таит в себе колдовство; ибо с тех пор, как я вернул его Бианкине, мои кости всякий раз оказываются побитыми.

В эту минуту перед ним мелькнуло платье с цветами, из-под которого виднелись две стройных и быстрых ножки: то была таинственная негритянка. Пиппо ускорил шаги, догнал ее и спросил, кто она и кому принадлежит.

– Кто это может знать? – с лукавой улыбкой отвечала негритянка.

– Ты, я полагаю. Ты ведь служанка Монны Бианкине?

– Нет; а кто это Монна Бианкине?

– О, Господи! Да та самая, которая прислала мне тогда с тобой шкатулку; ты очень ловко бросила ее ко мне на балкон.

– Откуда вы это взяли, сиятельный синьор?

– Не притворяйся, я знаю все: она сама мне это сказала.

– Если она вам это сказала... – отвечала негритянка нерешительно: она пожала плечами, подумала с минуту; затем, игриво ударив Пиппо по щеке всером, крикнула ему, убегая:

– Тебя одурачили, красавчик!

Улицы в Венеции образуют такой запутанный лабиринт, так причудливо переплетаются, что Пиппо не смог догнать молодой девушки после того, как дал ей уйти. Он почувствовал себя крайне нелепо, так как совершил двойную ошибку: отдал кошелек Бианкине и не удержал негритянки.

Бродя по городу, он почти бессознательно направился ко дворцу своей крестной матери. Пиппо жалел, что не побывал у нее ранее: он имел обыкновение советоваться с ней обо всем, что его занимало, и редко уходил от нее, не получив ценного указания.

Пиппо нашел синьору Доротею в саду; там не было никого, кроме нее. Поцеловав у нее руку, он сказал:

– Какую глупость я сейчас сделал, дорогая крестная. Мне прислали недавно кошелек...

Но как только он произнес эти слова, синьора Доротея засмеялась:

– Ну, так что же? Разве этот кошелек тебе не нравится? Разве золотые цветы не идут к красному бархату?

– Как! – воскликнул молодой человек, – неужели вы знаете?..

В этот момент в сад вошли несколько сенаторов; почтенная дама встала, чтобы принять их, и ничего не ответила на вопросы, которыми изумленный Пиппо продолжал осыпать ее.

Глава 3

Когда сенаторы удалились, синьора Доротея, несмотря на неотступные просьбы своего крестника, решительно отказалась сообщить ему какие-либо подробности.

Она не могла простить себе шутки, показавшей, что ей известна тайна всей этой истории, к которой она не хотела иметь отношения. И так как Пиппо продолжал упрашивать ее, то она сказала ему, наконец:

– Дорогой мой мальчик, я, может быть, действительно, оказала бы тебе большую услугу, если бы сообщила имя особы, которая вышила для тебя этот кошелек: она одна из первых красавиц Венеции и принадлежит к высшей знати; это все, что я могу сказать тебе; довольно с тебя и этого. При всем моем желании исполнить твою просьбу, я должна молчать. Я не хочу совершать бесчестного поступка и не выдам вверенной мне тайны; я открою ее только тогда, когда мне поручат это.

– Но вы можете быть уверены, дорогая крестная, что если скажете это мне одному...

– Понимаю, понимаю, – оборвала его синьора Доротея, и так как, несмотря на свою важность, она не лишена была некоторого лукавства, то прибавила:

– Ты ведь иногда пишешь стихи; не сочинишь ли ты сонет на эту тему?

Видя, что он ничего не добьется, Пиппо перестал упрашивать синьору Доротею, но его любопытство было, разумеется, крайне возбуждено. Он остался обедать у судьи Паскалиго, не решаясь уйти от своей крестной, в надежде на то, что прекрасная незнакомка посетит ее вечером. Но он видел только мантии сенаторов и высших сановников республики.

На закате солнца молодой человек оставил общество и пошел посидеть в рощицу. Он обдумал план действий и решил, прежде всего, получить от Бианкине кошелек обратно, а затем последовал совету, который сеньора Доротея дала ему, шутя, и сочинить сонет по поводу своего приключения. Он решил отдать сонет крестной матери, – будучи уверен в том, что она покажет его прекрасной незнакомке, не желая откладывать дела в долгий ящик, он начал немедленно приводить свой двойной план в исполнение.

Оправив камзол и надвинув берет набекрень, Пиппо взглянул на себя сначала в зеркало, чтобы убедиться достаточно ли он интересен, так как его первой мыслью было снова обольстить Монну, притворившись влюбленным, и уговорить ее отдать кошелек, – но вскоре он отказался от этого плана; таким путем он только оживил бы страсть этой женщины и приготовил бы новые мучения. Пиппо принял противоположное решение и побежал к ней, прикинувшись взбешенным. Он приготовился сделать ей ужасную сцену и так запугать ее, чтобы она, наконец, оставила его в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.